

Л.Е.Гринин, С.Э.Билюга, А.В.Коротаев,
С.В.Малыженков

ДОЛЯ СТУДЕНТОВ В ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ Опыт количественного анализа¹

Ключевые слова: социально-политическая дестабилизация, студенты, протестный потенциал, корреляционный анализ

Введение

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00476).

² Altbach 1970.

³ Fields 1969.

⁴ Пустошинская 2010.

⁵ Altbach 1970.

В научной литературе уже раз высказывалось предположение, что студенты могут выступать в качестве мощной силы, дестабилизирующей социально-политическую ситуацию в стране.

В частности, обращалось внимание на то, что студенты являются уникальной социальной группой, чье мировоззрение формируется под воздействием двух совокупностей факторов: (1) психофизиологических особенностей, свойственных переходному возрасту², и (2) набора качеств, приобретаемых в университете (критическое мышление, широкий кругозор и т.п.)³. Кроме того, в студенческой среде зафиксирован ряд тенденций, определяющих предрасположенность к протестным акциям. Наиболее предрасположены к участию в подобных акциях студенты-гуманитарии⁴. В то же время максимальную восприимчивость к радикальным идеям выказывают учащиеся начальных курсов, а также иногородние⁵.

Важно отметить, что в студенчестве особым образом соединяются качества, присущие разным социальным классам и группам, демонстрирующим повышенную протестную активность. Во-первых, студентов можно рассматривать как часть интеллигенции. Как известно, интеллигенция (в первую очередь гуманитарная) в принципе склонна к критическому взгляду на действия властей. Благодаря наличию базовых знаний и навыков анализа она выполняет в обществе интеллектуальные функции и часто считает себя «совестью нации». Нередко, особенно в развивающихся странах и в обществах с низким уровнем грамотности, она присваивает себе и мессианскую роль. Специфика студентов заключается в том, что они выступают как своего рода ударный отряд интеллигенции, как неопиты (иногда прямо подзуживаемые преподавателями). Во-вторых, у студентов есть качество, которое роднит их с пролетариатом, а именно — концентрация. В высших учебных заведениях собираются вместе тысячи и десятки тысяч учащихся, которые зачастую еще и проживают в кампусах. Подобная

концентрация существенно облегчает организацию протестных акций. Значение данного фактора возрастает при объединении студентов по этноязыковому, религиозному или расовому признаку (когда протест идет именно по этим линиям).

В какой-то мере студенты обладают и другим качеством, присущим пролетариату или даже люмпен-пролетариату (который в революционной практике порою фигурировал как наиболее радикальный элемент). Речь идет о том, что, подобно пролетариату и люмпен-пролетариату, студентам часто нечего терять, они, как правило, не обременены семьей, собственностью и т.п. Соответственно, им проще идти на риск. Существенно также, что среди студентов высока доля приехавших из других городов, а мигранты обладают довольно значительным дестабилизирующим потенциалом⁶. Наконец, в качестве молодой и образованной части общества студенты склонны к использованию новых форм агитации, пропаганды, коммуникации и организации, что дополнительно усиливает их протестные возможности.

⁶ *Подробнее см., напр. Гринин, Коротав 2009.*

Суммируя, можно сделать вывод, что по своим возрастным и социальным характеристикам студенты объективно являются весьма «горючим материалом», способным стать запалом для разного рода протестных выступлений, дестабилизирующих социально-политическую ситуацию, а также одним из активных отрядов революции.

NB! Требования, выдвигаемые студенческими организациями, можно подразделить на «образовательные» (улучшение образовательного процесса, повышение качества обучения), «национальные», нацеленные на решение тех или иных внутрисоциальных проблем (таких, как коррупция, безработица, расовая дискриминация и т.д.), и «международные» (чаще всего носящие антивоенный характер). Иногда выдвигаются и материальные требования (уменьшение платы за обучение, повышение стипендий). Некоторые исследователи обращают внимание на известную «нелогичность» студенческих требований. Например, британские студенты протестовали против войны во Вьетнаме, хотя сама Великобритания в ней не участвовала⁷, а африканские выступали с «международными» требованиями тем чаще, чем хуже была социально-экономическая ситуация в их собственной стране⁸.

⁷ *Thomas 2002.*

⁸ *Nkinyangi 1991.*

Немаловажно, что небольшое, но сплоченное ядро радикалов из студенческой среды способно вдохновить на протестные действия большое число участников (в частности, путем проникновения в различные студенческие организации)⁹. Так, в 1967 г. в ходе протестов в Лондонской школе экономики 50 студентов-активистов левого толка привлекли на свою сторону около 35 тыс. человек¹⁰.

⁹ *Пустошинская 2010.*

¹⁰ *Levin 1970.*

Особое значение для развития протестного потенциала в студенческой среде имеют последствия крупных социальных сдвигов в обществе¹¹. Для России 1887—1891 г. (когда по стране прокатилась

¹¹ *Рожков 1999.*

¹² *Ротмистров 2009.*

¹³ *Thomas 2002.*

¹⁴ *Nkinyangi 1991.*

¹⁵ *Parkin 1968.*

¹⁶ *Rooke 1971.*

¹⁷ *См. Thomas 2002.*

волна студенческих выступлений) таким «сдвигом» послужили реформы Александра II¹², для Европы 1960—1970-х годов — Вторая мировая война¹³, для субсахарского региона 1970—1980-х — национально-освободительное движение на Африканском континенте¹⁴. Данные события способствовали переосмыслению казавшихся незыблемыми устоев, изменению концепции детского воспитания (в сторону увеличения сферы «дозволенного»¹⁵), а также притоку в университеты более широких слоев населения, в частности выходцев из рабочих семей¹⁶.

Следует отметить, что студенческие протесты могут возникать и при благополучной обстановке в стране, в том числе под влиянием выступлений студентов в других странах, порождающих цепную реакцию¹⁷.

NB! Несмотря на наличие в студенческих протестах деструктивной составляющей, они могут играть и созидательную роль. Так, в ряде африканских стран постколониальной эпохи студенческие движения стали одним из ключевых факторов формирования национальной политики¹⁸. Более того, известно немало государственных (Кения, Мали, Малави, ЮАР, Гана) и партийных (европейские «Зеленые») лидеров, пришедших в легальную политику из протестной студенческой среды¹⁹.

¹⁸ *Gellar 1982.*

¹⁹ *Nkinyangi 1991; Слинко, Сальников, Дмитриева 2009.*

Таким образом, имеется достаточно оснований ожидать, что увеличение доли студентов в общей численности населения будет сопровождаться определенной социально-политической дестабилизацией. Однако эмпирической проверки данного предположения, насколько нам известно, не проводилось. Восполнить этот пробел и призвана настоящая статья.

Тестирование

Для тестирования гипотезы о доле студентов в населении как о статистически значимом факторе социально-политической дестабилизации в качестве независимой переменной был использован показатель, вычисляемый как количество студентов в той или иной стране (по данным ЮНЕСКО²⁰), поделенное на численность населения²¹, а в качестве зависимой — система индикаторов социально-политической дестабилизации базы данных Cross-National Time Series (CNTS)²². Хронологические рамки исследования — 1970—2015 гг.

²⁰ *UNESCO 2016.*

²¹ *The 2015 Revision of World Population Prospects 2016.*

²² *Подробное описание этой системы индикаторов приведено в Приложении. См. также Коротчаев, Слинко, Шульгин, Билюга 2016: 33—34.*

Основным методом тестирования выступал классический корреляционный анализ. Результаты анализа представлены в *табл. 1*.

Как видно из таблицы, в шести из девяти проведенных тестов корреляция значима (в четырех — с положительным знаком, то есть чем выше доля студентов в населении, тем выше уровень социально-политической дестабилизации, в двух — с отрицательным), причем в пяти из них статистическая значимость исключительно высока ($p < 0,001$). Применительно к политическим убийствам, партизанским действиям и агрегированному индексу социально-политической дестабилизации статистически значимая корреляция отсутствует.

Таблица 1 Корреляции между долей студентов в населении и индикаторами социально-политической дестабилизации CNTS за 1970–2015 гг.

№	Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Статистическая значимость (p)
	Политические убийства	-0,008	0,583
	Политические забастовки	0,064***	<< 0,001
	Партизанские действия	0,004	0,764
	Правительственные кризисы	0,035*	0,015
	Политические репрессии	-0,049***	0,001
	Массовые беспорядки	0,056***	<< 0,001
	Перевороты и попытки переворотов	-0,101***	<< 0,001
	Антиправительственные демонстрации	0,142***	<< 0,001
	Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,004	0,785

* — корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$

** — корреляция значима на уровне $< 0,01$

*** — корреляция значима на уровне $< 0,001$

Положительные корреляции с очень высокой значимостью ($p < 0,001$) наблюдаются применительно к политическим забастовкам, массовым беспорядкам и антиправительственным демонстрациям. Примечательно, что во всех этих случаях речь идет о тех типах социально-политической дестабилизации, для которых характерно участие широких слоев населения. И это вполне логично, ибо повышенная доля студентов в населении имеет тенденцию влиять именно на массовое недовольство, затрагивая социальные элиты в несравнимо меньшей степени, чем народные массы. Заметно более слабую корреляцию демонстрирует такая форма социально-политической дестабилизации, как правительственные кризисы, однако здесь нужно учитывать не вполне очевидные принципы получения соответствующего показателя (см. *Приложение*).

Таким образом, доля студентов в населении является статистически значимым предиктором *всех* индикаторов *массовой* социально-политической дестабилизации (массовых беспорядков, политических забастовок и антиправительственных демонстраций).

В свою очередь, между долей студентов в населении и интенсивностью переворотов (и попыток осуществления таковых) корреляция не положительна, а отрицательна. Иными словами, если наличие в стране большого числа студентов способствует развитию массовой социально-политической дестабилизации, то классически элитарную

форму смены власти через государственный переворот оно не облегчает, а усложняет.

Особенно четко описанные закономерности прослеживаются при рассмотрении не отдельных стран, а их совокупностей, близких по доле студентов в населении. В связи с этим страны мира были поделены нами на 10 подгрупп (децилей). Строго говоря, в качестве единицы наблюдения в наших расчетах выступала даже не страна, а, так сказать, «страно-год», то есть страна X по состоянию на год Y. В нижний дециль вошли 10% «страно-лет» с наиболее низкой долей студентов в населении, в верхний — 10% «страно-лет» с самой высокой долей студентов в населении, в восемь промежуточных — «страно-годы» с промежуточными значениями.

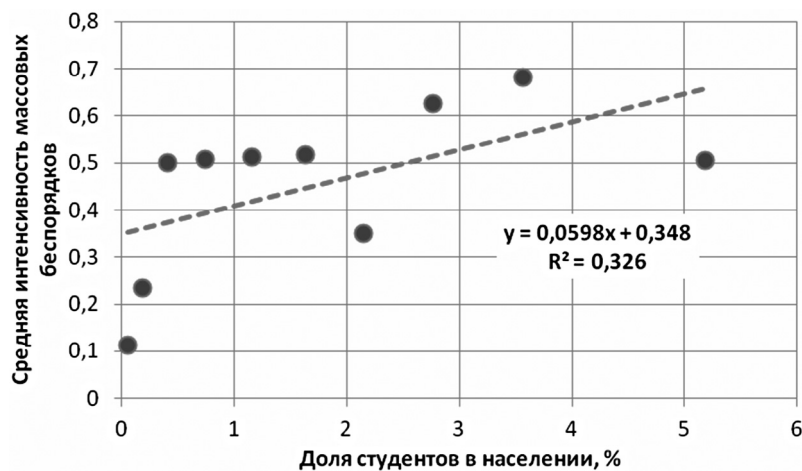
Подецильный анализ выявляет достаточно сильную корреляцию ($r = 0,571$) между долей студентов в населении и интенсивностью массовых беспорядков (см. рис. 1). Если в нижнем дециле массовые беспорядки фиксируются в среднем раз в 10 лет, то в верхнем — уже раз в два года. В целом же доля студентов в населении объясняет почти треть дисперсии интенсивности массовых беспорядков по децилям.

Откровенно сильной ($r = 0,934$) при подецильном анализе оказывается корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций (см. рис. 2). Если в нижнем дециле такие демонстрации случаются в среднем реже чем раз в пять лет, то в верхнем на год приходится более одной демонстрации. В целом же доля студентов в населении объясняет почти 90% дисперсии интенсивности антиправительственных демонстраций по децилям.

Рисунок 1 Подецильная корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью массовых беспорядков, 1970–2015 гг.

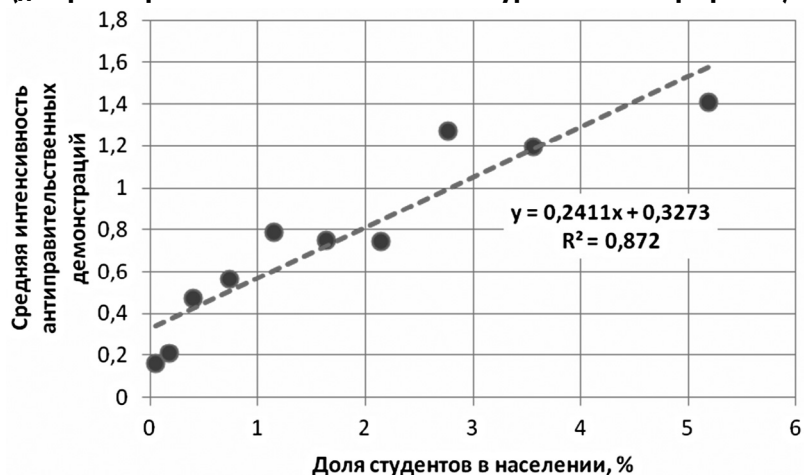
(диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)²³

²³ Здесь и в следующих двух случаях границы децилей составляли: 1-й дециль — < 0,107%; 2-й — от 0,107 до 0,273%; 3-й — от 0,273 до 0,54%; 4-й — от 0,54 до 0,945%; 5-й — от 0,945 до 1,4%; 6-й — от 1,4 до 1,89%; 7-й — от 1,89 до 2,42%; 8-й — от 2,42 до 3,13%; 9-й — от 3,13 до 4,14%; 10-й — > 4,14%.

$r = 0,571; p = 0,043$ (односторонний тест значимости)

Рисунок 2 Поддецильная корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

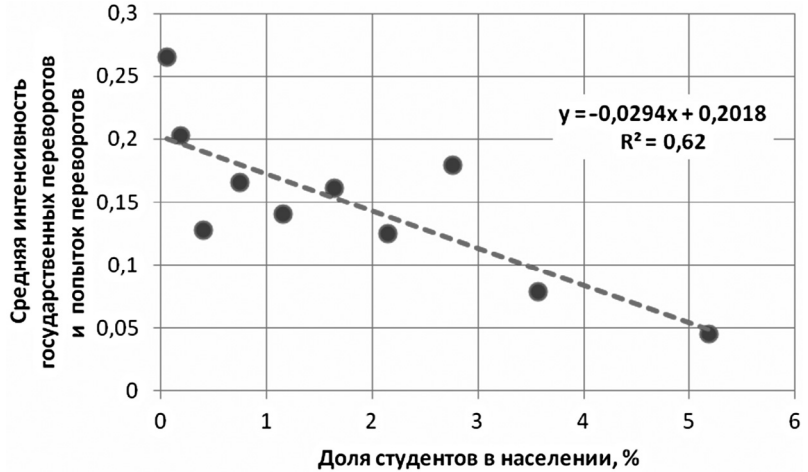
$r = 0,934; p << 0,001$ (односторонний тест значимости)

Значительно повышается при поддецильном анализе и отрицательная корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью государственных переворотов и их попыток (см. рис. 3), которая тоже становится откровенно сильной ($r = -0,787$). Если в нижнем дециле государственные перевороты и попытки переворотов наблюдаются в среднем каждые четыре года, то в верхнем происходит не более одного переворота (или его попытки) в 20 лет. В целом же доля студентов в населении объясняет более 60% дисперсии интенсивности государственных переворотов и попыток переворотов по децилям.

Примечательно, что при разделении студентов по половому признаку корреляция несколько меняется: доля студентов-мужчин в населении коррелирует с различными индексами социально-политической дестабилизации иначе, нежели доля студентов-женщин.

Так, доля студентов-мужчин в общей численности населения почти в два раза сильнее коррелирует (при измерении силы корреляции через коэффициент детерминации) с интенсивностью массовых беспорядков, чем доля студентов вообще (см. рис. 4). Если при рассмотрении студентов обоих полов корреляция между этими переменными была скорее средней, то в случае студентов-мужчин она становится откровенно сильной ($r = 0,781$). В нижнем дециле (то есть в 10% «страно-лет» с самой низкой долей студентов-мужчин) массовые беспорядки фиксируются в среднем примерно раз в 10 лет, в то время как в верхнем (то есть в 10% «страно-лет» с самой высокой долей таковых) они наблюдаются практически каждый год. В целом же доля студентов-мужчин в населении объясняет более 60% дисперсии

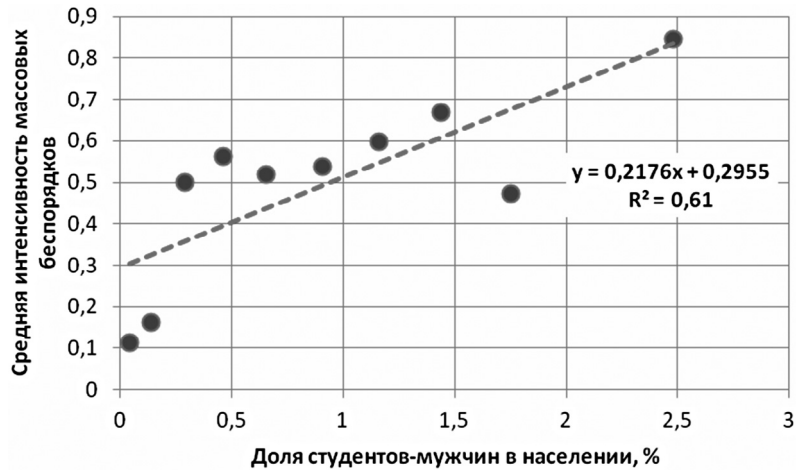
Рисунок 3 Подецильная корреляция между долей студентов в населении и интенсивностью переворотов и попыток переворотов, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

$r = -0,787$; $p = 0,0035$ (односторонний тест значимости)

Рисунок 4 Подецильная корреляция между долей студентов-мужчин в населении и интенсивностью массовых беспорядков, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)²⁴

²⁴ Границы децилей: 1-й дециль — < 0,0816%; 2-й — от 0,0816 до 0,204%; 3-й — от 0,204 до 0,376%; 4-й — от 0,376 до 0,555%; 5-й — от 0,555 до 0,778%; 6-й — от 0,778 до 1,03%; 7-й — от 1,03 до 1,31%; 8-й — от 1,31 до 1,58%; 9-й — от 1,58 до 1,98%; 10-й — > 1,98%.

$r = 0,781$; $p = 0,004$ (односторонний тест значимости)

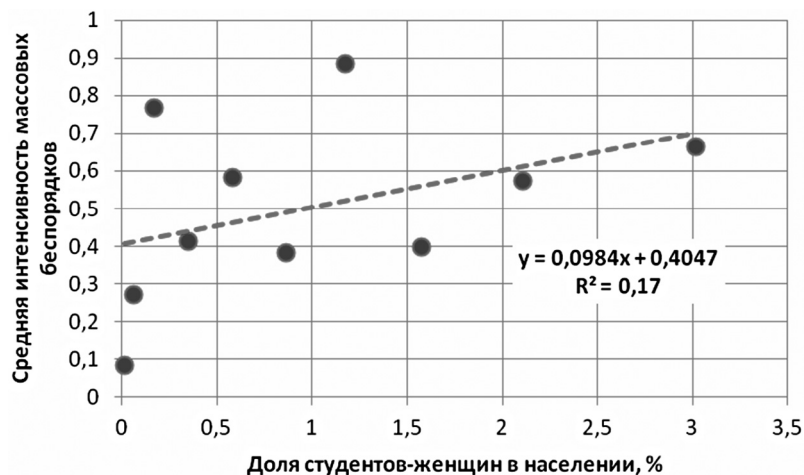
интенсивности массовых беспорядков по децилям (тогда как доля студентов обоих полов объясняла лишь около 30%).

Корреляция между долей студентов женского пола и интенсивностью массовых беспорядков (см. рис. 5) предсказуемо оказывается

заметно более слабой ($r = 0,412$) и при этом статистически незначимой ($p > 0,12$). Вместе с тем доля студентов-женщин статистически значимо и довольно сильно ($r = 0,854$) коррелирует с интенсивностью антиправительственных демонстраций (см. рис. 6).

Рисунок 5 Поддецильная корреляция между долей студентов-женщин в населении и интенсивностью массовых беспорядков, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)²⁵

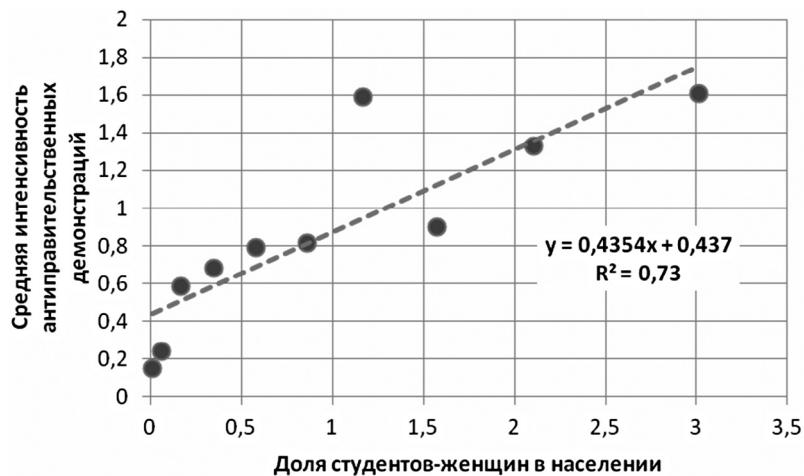
²⁵ Границы децилей:
 1-й — $< 0,0265\%$;
 2-й — от $0,0265$ до $0,102\%$;
 3-й — от $0,102$ до $0,252\%$;
 4-й — от $0,252$ до $0,45\%$;
 5-й — от $0,45$ до $0,719\%$;
 6-й — от $0,719$ до $1,01\%$;
 7-й — от $1,01$ до $1,35\%$;
 8-й — от $1,35$ до $1,81\%$;
 9-й — от $1,81$ до $2,47\%$;
 10-й — $> 2,47\%$.

$r = 0,412$; $p = 0,122$ (односторонний тест значимости)

Рисунок 6 Поддецильная корреляция между долей студентов-женщин в населении и интенсивностью антиправительственных демонстраций, 1970–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)²⁶

²⁶ Границы децилей:
 1-й дециль — $< 0,0265\%$;
 2-й — от $0,0265$ до $0,102\%$;
 3-й — от $0,102$ до $0,252\%$;
 4-й — от $0,252$ до $0,45\%$;
 5-й — от $0,45$ до $0,719\%$;
 6-й — от $0,719$ до $1,01\%$;
 7-й — от $1,01$ до $1,35\%$;
 8-й — от $1,35$ до $1,81\%$;
 9-й — от $1,81$ до $2,47\%$;
 10-й — $> 2,47\%$.

$r = 0,854$; $p << 0,001$ (односторонний тест значимости)

Заключение

Проведенное нами исследование подтвердило, что студенты как социально-возрастная группа могут рассматриваться в качестве силы, оказывающей дестабилизирующее воздействие на социально-политическую ситуацию в стране. Было выявлено наличие статистически значимых положительных корреляций между долей студентов в общей численности населения и такими важными индикаторами социально-политической дестабилизации, как интенсивность политических забастовок, массовых беспорядков и особенно антиправительственных демонстраций.

Заметная разница в силе корреляции между долей студентов и интенсивностью массовых беспорядков и антиправительственных демонстраций (с перевесом в сторону последних) отчасти объясняется гендерным фактором. Дело в том, что увеличение числа студенток, которое начинается на определенном этапе развития страны, не способствует росту интенсивности массовых беспорядков, но зато способствует росту интенсивности антиправительственных демонстраций.

В то же время не менее важным представляется отсутствие статистически значимой корреляции между долей студентов в общей численности населения и интенсивностью политических убийств и партизанских действий. Высокая доля студентов коррелирует с повышенным уровнем именно массовой, причем в основном ненасильственной дестабилизации.

Существенно также, что между долей студентов в населении и интенсивностью переворотов и попыток переворотов корреляция не положительна, а отрицательна, то есть наличие в стране большого числа студентов не облегчает, а скорее затрудняет классически элитарную форму смены власти через государственный переворот. Это означает, что рост числа студентов может быть не только дестабилизирующим, но и в известном смысле стабилизирующим фактором.

**Индикаторы
социально-
политической
дестабилизации
базы данных
Cross National
Time Series**

²⁷ Banks, Wilson
2017.

Cross National Time Series (CNTS) является результатом работы по систематизации данных, начатой Артуром Банксом²⁷ в 1968 г. в Университете штата Нью-Йорк в Бингемтоне на основе обобщения архива *The Statesman's Yearbooks*, публикуемых с 1864 г. В базе представлены годовые значения около 200 переменных для более чем 200 стран начиная с 1815 г. (за исключением периодов двух мировых войн).

CNTS структурирована по разделам и содержит статистические данные по территории и населению соответствующих стран, экономические и электоральные данные, информацию по внутренним конфликтам, использованию энергии и технологий, промышленной статистике, военным расходам, международной торговле, урбанизации, образованию, занятости, деятельности законодательных органов и т.п. Индикаторы социально-политической дестабилизации, на которые мы опирались в настоящем исследовании, представлены в разделе *domestic*, где приводится информация о внутренних конфликтах (начиная с 1919 г.) по восьми группам (подкатегориям) событий:

- 1) политические убийства (политически мотивированные убийства или покушения на убийства высших правительственных чиновников или политиков);
- 2) политические забастовки (забастовки, в которых принимало участие не менее тысячи работников более чем одной компании и выдвигались требования, направленные против государственной политики, правительства или органов власти);
- 3) партизанские действия (действия с применением оружия, диверсии или теракты, совершаемые группами граждан или нерегулярными вооруженными силами и направленные на свержение или подрыв существующего режима);
- 4) правительственные кризисы (любые ситуации, чреватые падением существующего режима, за исключением вооруженных переворотов);
- 5) политические репрессии (систематические действия, направленные на уничтожение оппозиции, включая аресты и казни);
- 6) массовые беспорядки (волнения, связанные с применением насилия, в которых принимало участие свыше 100 человек);
- 7) революции (незаконные или связанные с насилием изменения в правящей элите, попытки таких изменений, а также вооруженные выступления сепаратистского характера)²⁸;
- 8) антиправительственные демонстрации (мирные публичные выступления, охватывающие не менее 100 человек, главной целью которых является выражение несогласия с политикой правительства).

На основе перечисленных подкатегорий строится общий индекс социально-политической дестабилизации. Для этого каждой подкатегории присваивается определенный вес (см. табл. 2). При расчете

²⁸ Поскольку события, входящие в эту подкатеорию, по большей части не отвечают общепринятым представлениям о революции (обзор основных определений революции см. Гринин, Исаев, Короткаев 2015), мы обозначаем соответствующую переменную как перевороты и попытки переворотов.

Таблица 2 Веса подкатегорий, используемых при построении индекса социально-политической дестабилизации

<i>Подкатегория</i>	<i>Название переменной</i>	<i>Вес в индексе социально-политической стабилизации (domestic9)</i>
Политические убийства	domestic1	25
Политические забастовки	domestic2	20
Партизанские действия	domestic3	100
Правительственные кризисы	domestic4	20
Политические репрессии	domestic5	20
Массовые беспорядки	domestic6	25
Революции (перевороты и попытки переворотов)	domestic7	150
Антиправительственные демонстрации	domestic8	10

индекса численные значения подкатегорий умножаются на соответствующие веса, полученные произведения складываются, а сумма умножается на 100 и делится на 8:

$$domestic9 = \frac{25domestic1 + 20domestic2 + 100domestic3 + 20domestic4 + 20domestic5 + 25domestic6 + 150domestic7 + 10domestic8}{8} * 100.$$

Библиография

Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. 2015. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. — М.: Московская редакция издательства «Учитель».

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2009. Урбанизация и политическая нестабильность: К разработке математических моделей политических процессов // *Полис*. № 4. С. 34—52.

Коротаев А.В., Слинко Е.В., Шульгин С.Г., Билюга С.Э. 2016. Промежуточные типы политических режимов и социально-политическая нестабильность (Опыт количественного кросс-национального анализа) // *Полития*. № 3 (82). С. 127—143.

Пустошинская О.С. 2010. Социально-демографические основы студенческого политического протеста // *Альманах современной науки и образования*. № 5. С. 124—127.

Рожков А.Ю. 1999. Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение // *Социологические исследования*. № 7. С. 107—114.

Ротмистров А.Н. 2009. Сравнительный анализ факторов студенческого протестного движения в России на рубеже XIX—XX веков и в начале XXI века // *Высшее образование сегодня*. № 1. С. 36—41.

Слинько А.А., Сальников В.И., Дмитриева С.И. 2009. Студенчество в Европе: между реформой и протестом // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования»*. № 2. С. 127—132.

Altbach P.G. 1970. Students and Politics // *Protest, Reform and Revolt: A Reader in Social Movements*. — N.Y.: John Wiley & Sons, Inc. P. 225—244.

Banks A.S., Wilson K.A. 2017. *Cross-National Time-Series Data Archive* (<http://www.databanksinternational.com>).

Fields A.B. 1969. The Revolution Betrayed: the French Student Revolt of May-June 1968 // Lipset S.M., Altbach P.G. (eds.) *Students in Revolt*. — Boston: Houghton Mifflin. P. 127—166.

Gellar S. 1982. *Senegal: an African Nation between Islam and the West*. — Boulder: Westview Press.

Levin B. 1970. *The Pendulum Years: Britain and the 60s*. — L.: Jonathan Cape.

Lipset S.M. 1968. Students and Politics in Comparative Perspective // *Daedalus*. Vol. 97. № 1. P. 1—20.

Nkinyangi J.A. 1991. Student Protests in Sub-Saharan Africa // *Higher Education*. Vol. 22. № 2. P. 157—173.

Parkin F. 1968. *Middle Class Radicalism: The Social Bases of the British Campaign for Nuclear Disarmament*. — Manchester: Manchester University Press.

Rooke M.A. 1971. *Anarchy and Apathy: Student Unrest: 1968—70*. — L.: Hamish Hamilton.

The 2015 Revision of World Population Prospects. 2016 // United Nations. *Population Division*. 20.07 (<http://www.un.org/en/development/desa/population/>).

Thomas N. 2002. Challenging Myths of the 1960s: the Case of Student Protest in Britain // *Twentieth Century British History*. Vol. 13. № 3. P. 277—297.

UNESCO Institute for Statistics. 2016. *Enrolment in Tertiary Education, All Programmes, Both Sexes (Numbers)*. 10.11 (<http://data.uis.unesco.org/>).

References

Altbach P.G. 1970. Students and Politics // *Protest, Reform and Revolt: A Reader in Social Movements*. — N.Y.: John Wiley & Sons, Inc. P. 225—244.

Banks A.S., Wilson K.A. 2017. *Cross-National Time-Series Data Archive* (<http://www.databanksinternational.com>).

Fields A.B. 1969. The Revolution Betrayed: the French Student Revolt of May-June 1968 // Lipset S.M., Altbach P.G. (eds.) *Students in Revolt*. — Boston: Houghton Mifflin. P. 127—166.

Gellar S. 1982. *Senegal: an African Nation between Islam and the West*. — Boulder: Westview Press.

Grinin L.E., Isaev L.M., Korotayev A.V. 2015. *Revolyutsii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke*. — M.: Moskovskaya redaktsiya izdatel'stva «Uchitel'».

- Grinin L.E., Korotaev A.V.** 2009. Urbanizacija i političeskaja nestabil'nost': K razrabotke matematičeskikh modelej političeskikh processov // *Polis*. № 4. S. 34—52.
- Korotajev A.V., Slin'ko E.V., Shul'gin S.G., Bilyuga S.E.** 2016. Promehutochnye tipy političeskikh režimov i sotsial'no-političeskaya nestabil'nost': opyt količestvennogo kross-natsional'nogo analiza // *Politeia*. № 3 (82). S. 127—143.
- Levin B.** 1970. *The Pendulum Years: Britain and the 60s*. — L.: Jonathan Cape.
- Lipset S.M.** 1968. Students and Politics in Comparative Perspective // *Daedalus*. Vol. 97. № 1. P. 1—20.
- Nkinyangi J.A.** 1991. Student Protests in Sub-Saharan Africa // *Higher Education*. Vol. 22. № 2. P. 157—173.
- Parkin F.** 1968. *Middle Class Radicalism: The Social Bases of the British Campaign for Nuclear Disarmament*. — Manchester: Manchester University Press.
- Pustoshinskaja O.S.** 2010. Social'no-demograficheskie osnovy studentčeskogo političeskogo protesta // *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*. № 5. S. 124—127.
- Rooke M.A.** 1971. *Anarchy and Apathy: Student Unrest: 1968-70*. — L.: Hamish Hamilton.
- Rotmistrov A.N.** 2009. Sravnitel'nyj analiz faktorov studentčeskogo protestnogo dvizenija v Rossii na rubezhe XIX-XX vekov i v nachale XXI veka // *Vysšee obrazovanie segodnja*. № 1. S. 36—41.
- Rozhkov A.Ju.** 1999. Molodoj čelovek 20-h godov: protest i deviantnoe povedenie // *Sociologičeskie issledovanija*. № 7. S. 107—114.
- Slin'ko A.A., Sal'nikov V.I., Dmitrieva S.I.** 2009. Studentčestvo v Evrope: mezhdru reformoj i protestom // *Vestnik Voronežskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Problemy vysshego obrazovanija»*. № 2. S. 127—132.
- The 2015 Revision of World Population Prospects.** 2016 // United Nations. *Population Division*. 20.07 (<http://www.un.org/en/development/desa/population/>).
- Thomas N.** 2002. Challenging Myths of the 1960s: the Case of Student Protest in Britain // *Twentieth Century British History*. Vol. 13. № 3. P. 277—297.
- UNESCO Institute for Statistics.** 2016. *Enrolment in Tertiary Education, All Programmes, Both Sexes (Numbers)*. 10.11 (<http://data.uis.unesco.org/>).